

Бернхард Притвиц: «немецкий казак» на степной границе Короны и Княжества в XVI веке

Бернхард Притвиц (*Bernhard Pritt-witz*), староста подольского города Бара (1540–1552) и организатор обороны южных рубежей Речи Посполитой от татар, оставил яркий след в истории. Современники дали Притвицу почетные прозвища *Terror Tartarorum* («Ужас татар») и *Murus Podoliae* («Стена Подолии»). Польский хронист XVI века Мартин Бельский писал, что Бернхард Притвиц заслуживает того, чтобы о его деяниях с благодарностью вспоминали все поляки (Bielski, 1856: 1085). И действительно, память о барском старосте сохранялась долго – в трудах классика украинской историографии Михаила Грушевского приведен отрывок народной песни, прославляющей его доблести:

«За пана Претвица
Вольна от татар граница»
(Грушевський, 1909: 95).

К сожалению, многогранная деятельность Бернхарда Притвица оказалась разнесена в современной историографии по «разным ведомствам». Украинская историография знает его как защитника границы от татарских набегов и одного из организаторов казачества; польская

историография видит в нем фаворита королевы Боны и автора меморандума 1550 года; для немецкой историографии он остается, прежде всего, «немцем на Востоке» и автором писем к герцогу Альбрехту Прусскому (см.: Forstreuter, 1955: 40–42; Rhode, 1972: 121–133). Практически неизвестен Бернхард Притвиц российской, белорусской и литовской историографии, хотя его деятельность играла огромную роль для обеспечения безопасности и южной границы Великого Княжества Литовского. При этом неустойчивое написание фамилии в источниках и исторической литературе (*Pretficz*, *Pretwicz*, *Претвич* и так далее) вызывает опасения, что образ Притвица окажется «размыт» – и не всякий читатель узнает в украинском «воеводе Претвиче» служилого немца по имени *Bernhard Prittwitz*. Все это делает необходимым, на наш взгляд, подготовку очерка, который сводит воедино основную информацию о жизни и деятельности Бернхарда Притвица.

Необходимо сказать несколько слов о предках и потомках героя нашего очерка. Бернхард фон Притвиц происходил из старого силезского рода, известного с XIII века. Род

Притвицев принадлежал к так называемым «братьям Вальштатта» (нем.: *Vettern von Wahlstatt*): шести знатным рыцарским фамилиям Силезии, в каждой из которых, по легенде, лишь один мужчина пережил битву с монголами при Легнице 9 апреля 1241 года. Бернхард Приттвиц, *Terror Tartarorum*, имел, таким образом, наследственные счеты с татарами. Сам Бернхард Приттвиц отдал свою саблю на службу Польскому Королевству, а его сын Якуб в 1607 году стал воеводой подольским и вошел, таким образом, в состав польской знати.

Точная дата рождения Бернхарда Приттвица неизвестна, вероятно, он родился около 1500 года. Возможно, уже его отец Петер находился на польской службе. Позднейшие семейные легенды даже приписывали ему любовную связь с польской королевой Боной Сфорца. По-видимому, Приттвицы принадлежали к той силезской знати, которая последовала за своим сюзереном – Сигизмундом, князем Глогау и Оппельна – после изгнания его в 1506 году великим князем литовским и польским королем. Первые документальные известия о Бернхарде Приттвице застают его в 1526 году в Чехии, выполняющим дипломатическую миссию королевы Боны (Rhode, 1972: 130). Миссия не принесла успеха, однако она закрепила связь Приттвицев с королевой, которая и в дальнейшем выступала покровительницей этого рода. В 1531–1535 годах Приттвиц служит *товарищем* в роте Николая Синявского, впоследствии польного гетмана и воеводы белзского. В 1537 году он уже выступает в качестве ротмистра са-

мостоятельного отряда. Его служба была по достоинству оценена королевой Боней, которая пожаловала ему ряд владений на Волини и в Подолии, а в 1540 году доверила ему должность старосты Бара – города, который принадлежал к ее личным владениям (подробнее о биографии Приттвица см.: Tomczak, 1960).

Бернхард Приттвиц стал фактическим основателем Бара, возникшего рядом со старым поселением под названием Ров (свое новое город получил в честь города Бари в Апулии, родового владения королевы Боны). Приттвиц завершил строительство замка и создал в окрестностях города целую систему небольших укреплений, в которых разместил своих людей. На протяжении более чем десяти лет (1540–1552) Приттвиц оставался на переднем крае пограничной борьбы с татарами. Бар занимал важное стратегическое положение на юго-востоке Польского Королевства и находился на одном из *шляхов* (Кучманском), по которым татары – крымские, белгородские, буджакские и другие – совершали набеги на внутренние земли Короны и Княжества.

Располагая сравнительно небольшими силами (от ста до двухсот человек, получавших официальное жалование от Короны, и, вероятно, несколько большим количеством вольных казаков, см.: Tomczak, 1960: 330), Приттвиц сумел создать эффективную систему обороны границы. Интересно отметить, что, согласно источникам, ядро отряда Приттвица составляли *черемисы* (историческое наименование марийцев). Были ли это действительно выходцы с Волги

или здесь имеет место перенос названия, подобно другому, более известному названию казаков – *черкасы*? Как бы то ни было, барский староста и его черемисы находились у самых истоков украинского казачества. Деятельность Бернхарда Притвица необходимо рассматривать в широком контексте истории степного *фронтира* Восточной Европы в XVI веке: его имя стоит в одном ряду с именами лихих пограничных командиров Речи Посполитой и России, таких как Константин Острожский, Евстафий Дашкович, Дмитрий Байда-Вишневецкий, Алексей Басманов, Михаил Воротынский и многие другие.¹ Новация барского старосты заключалась в том, что он перенес борьбу с татарами далеко в «поле»: отряд Притвица не ограничивался отражением татарских нападений, но и совершал глубокие рейды – под Перекоп, Очаков, Белгород-Днепровский. История показала, что «система Притвица» оказалась более эффективной, чем «система Острожского» – победы над татарами в полевых сражениях в начале XVI века прославили гетмана ВКЛ и его войско, но не принесли долговременного эффекта.

Этой степной войне нисколько не мешало то обстоятельство, что между Польским Королевством и Великим Княжеством Литовским с одной стороны и Османской империей и Крым-

ским ханством с другой в это время формально существовали мирные отношения. Турки и татары видели в Притвице одного из своих главных противников.² В 1550 году войска молдавского господаря Ильи II Рареша (вассала турецкого султана) при поддержке турецких янычар предприняли осаду Бара, которую Притвиц успешно отразил. Война велась с обоюдным ожесточением, и ее жертвами часто становилось мирное население. Не сумев покончить с барским старостой с помощью военной силы, турецкое правительство засыпало Краков жалобами на Притвица, обвиняя его в грабежах и убийствах турецких купцов. Есть основания полагать, что далеко не все эти обвинения были беспочвенными, и барский староста не ограничивался обороной границ, но и сам неоднократно выступал инициатором набегов на турецкие владения (Український степовий кордон, 1997: 10–14).

Именно эти обвинения и привели к созданию известного «Меморандума» (или «Апологии») Притвица, который был зачитан на заседании Сената в Кракове 14 декабря 1550 года.³ Текст трактата (не оригинал Притвица, а современная ему копия) сохранился в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD). Трактат состоит из двух частей: в первой говорится об общей ситуации на степной границе и истории станов-

¹ См. биографический очерк автора данных строк, посвященный трем «лихим людям» Московского государства: Мартынюк, 2008.

² Польско-турецкие взаимоотношения в 1548–1553 годы и роль в них Притвица подробно рассмотрены в публикации А. Томчака: Tomczak, 1958.

³ Текст опубликован: Tomczak, 1960; перевод и публикация на украинском языке: Український степовий кордон, 1997.

ления системы пограничной обороны, во второй части перечислены походы и набеги самого Притвица. Историческая ценность этого меморандума – в широкой картине борьбы на степной границе, написанной очевидцем и участником событий.

Многие сведения меморандума уникальны: таковы сведения по истории Подолии, о татарских нападениях на южные регионы Великого Княжества Литовского (Притвиц неоднократно подчеркивает, что он защищает не только границы Короны, но и Княжества), информация об организации татарских набегов (Притвиц вскрывает «экономическую и логистическую» набегов: турки из Очакова и других городов предоставляли татарам лошадей под условием получения части добычи), имена «полевых командиров» – участников этой пограничной войны с обеих сторон и так далее. Король Сигизмунд II Август оказался в сложном положении: он не хотел терять деятельного и заслуженного пограничного командира, но и не был готов рисковать серьезным конфликтом с турками и татарами. В конце концов, король принял компромиссное решение и перевел Притвица в 1552 году на должность старосты города Трёмбовля (Теребовля), расположенного несколько дальше от границы. Здесь Бернхард Притвиц оставался до своей смерти в 1561 году.

Деятельность Притвица не ограничивалась «летучей войной» с татарами. Как уже упоминалось выше, не прерывались связи Притвица с Германией. Сам Бернхард перешел в протестантизм и проявлял живое участие к религиозным конфлик-

там в Священной Римской империи. В 1547 году он предлагал свои услуги для «похода в Империю» (*zug ins reich*) на стороне протестантского Шмалькальденского союза. Притвиц обещал выставить в этом случае 12 000 воинов – эта цифра позволяет представить, как оценивал Притвиц возможности пополнения своего отряда вольными казаками (напомним, что на постоянном жаловании он держал от 100 до 200 человек). Основным партнером Притвица был герцог Альбрехт Прусский – яркая и противоречивая фигура раннего Нового времени. Герцог Альбрехт вынашивал честолюбивые политические планы, одним из которых был крестовый поход против турок (возможно, в крестовом походе он видел своеобразное искупление за проведенное им преобразование Тевтонского ордена в светское Прусское герцогство). В Притвице герцог Альбрехт нашел единомышленника и контрагента, который снабжал его информацией о положении дел не только на степной границе, но и в Стамбуле. Переписка между прусским герцогом и барским старостой была особенно активной в период с 1544 по 1556 год. На существование этой переписки и ее значение для изучения истории Восточной Европы обратил внимание немецкий исследователь Курт Форштройтер (Forstreuter, 1955: 40–42) – к сожалению, это указание не привлекло должного внимания исследователей. Лишь одно из этих писем (1547 года) было опубликовано немецким историком Готтхольдом Роде (Rhode, 1972). Письма являются ценным историческим источни-

ком по истории Восточной Европы в XVI веке и содержат весьма интересный материал: описание ситуации на степной границе и повседневной жизни пограничного населения, зарисовки общественных настроений в Речи Посполитой. Притвиц, в частности, жалуется на высокомерное отношение к нему со стороны польских магнатов, а о политике нового короля Сигизмунда Августа в отношении защиты границ и содержания войска он желчно замечает, что тот «ведет себя как баба, а не как король» (цит по.: Український степовий кордон, 1997: 10). В письмах также содержатся сведения по экономической истории региона, сам Притвиц развернул широкую торговлю отбитой у татар и турок добычей – конями, волами, овцами и тому подобным, включившись, таким образом, в систему трансъевропейской торговли скотом, которая начала складываться как раз в это время (см.: Огуй, 2010). Известны и письма Притвица к другим светским и духовным князьям Священной Римской империи. Представляется, что данная переписка еще ждет своего исследователя.

Бернхард Притвиц оставил свой след и в культурной истории Европы. В 1530 году он преподнес в дар польскому королю Сигизмунду Старому рог единорога, которого якобы сам подстрелил на охоте (к сожалению, подробности этой охоты неизвестны: по средневековым легендам, укротить это мифическое существо могла только девственница). Спустя некоторое время Сигизмунд презентовал это рог императору Священной Римской империи Фердинанду I

Габсбургу. Подарок был оценен по достоинству и отнесен к «неделимому наследству» рода Габсбургов, наряду с коронационными регалиями императоров Священной Римской империи и другими сокровищами. В настоящее время рог единорога (на самом деле: бивень нарвала) хранится в составе «Императорской сокровищницы» Музея истории искусств в Вене (Jaworski, 2008).

У нас есть возможность составить и визуальное представление о Бернхарде Притвице. Речь идет о портрете XVII века, оригинал которого находится в Королевском замке в Варшаве. В рамках данной статьи публикуется гравюра XIX века, воспроизводящая данный портрет (см. Рис. 1). Пояснительная надпись именует Бернхарда Притвица воеводой Подолии: *BERNARDVS PRETWITZ TERROR TARTARORVM. WOIEWODA PODOLS etc. etc. vixit AO 1541.*

Это указание не соответствует действительности: подольским воеводой был не сам Бернхард, а его сын Якуб (с 1607 года). Можно предположить, что именно Якуб и был заказчиком портрета. Трудно судить, насколько изображение на портрете отражает черты реального Бернхарда Притвица. Нельзя исключить наличия некоторых реальных черт, возможно сохранных семейным преданием, но, вероятнее всего, портрет передает обобщенный образ легендарного барского старосты. На портрете перед нами предстает суровый, даже мрачный мужчина в характерном «сарматском» наряде шляхты Речи Посполитой XVII века. Его левая рука покоится на эфесе сабли, правая



Рис. 1: Бернхард Притвиц

сжимает пучок татарских стрел, как символ победы над степняками. В целом, портрет хорошо передает тот образ Бернхарда Притвица – жесткого и жестокого пограничного командира, «Ужаса татар», – который донесла до нас историческая традиция.

Интересно обратить внимание на одну небольшую деталь, которая, как кажется, еще не была отмечена исследователями. На оригинале портрета Бернхард держит в правой руке две стрелы, которые обращены в разные стороны (автор гравюры допустил здесь неточность и вложил в руку Бернхарда три стрелы, наконечники которых смотрят в одну сторону). Эту деталь можно истолковать не только как символ победы над татарами (Rhode, 1972: 131), но и как указание на потомство барского старосты. От первой жены (ее имя неиз-

вестно) у Бернхарда было два сына: Войцех, умерший в младенчестве, и упомянутый выше Якуб (Tomczak, 1985). Таким образом, две стрелы, направленные в разные стороны, могут служить указанием на различные судьбы двух братьев. Данное предположение может служить косвенным подтверждением, что заказчиком портрета был именно Якуб.

Завершая данный небольшой очерк, хочется провести параллель, которая с первого взгляда может показаться несколько неожиданной – а именно сопоставить Бернхарда Притвица с Иваном Пересветовым. Эти два деятеля были современниками, более того, в одно и то же время находились на службе у одного правителя – польского короля Сигизмунда I Старого (о своих польских, чешских и венгерских службах Иван Пересветов рассказывает в «Малой челобитной»). Оба были чужаками, связавшими свою судьбу со службой чужому государю: под словами Пересветова «*нас, государь, приезжих людей не любят*» мог бы подписаться и Бернхард Притвиц – в своих письмах герцогу Альбрехту Прусскому он жаловался на высокомерное отношение к нему со стороны польских магнатов (Forstreuter, 1955: 41). Но еще больше их роднит факт обращения к правителям своих государств с развернутыми меморандумами по «татарскому вопросу». Нет нужды подробно пересказывать содержание челобитных планов Ивана Пересветова (см.: Сочинения И. Пересветова, 1956). Его основная идея – забота о «воинниках» и широкая программа наступления на юг

и восток, для освоения «подрайской земли». Собственно, в роли такого «воинника» и проводника именно этой политики и выступает – на службе польской короны – Бернхард Притвиц. Представляется, что фигура «немецкого казака» Бернхарда

Притвица представляет большой интерес для исследователя, не только в силу его незаурядной биографии, но и в силу отражения в этой биографии тех общих исторических процессов, которые проходили в XVI веке на степной границе Восточной Европы.

Библиография

1. Грушевський, Михайло (1909). *Історія України-Руси*, Т. VII. Київ.
2. Мартынюк, Алексей (2008). “Лихие люди Московской Руси: три исторических портрета”, *Российские и славянские исследования*, Вып. III: 145–156.
3. Огуй, Александр (2010). “Международная торговля Молдавским торговым путем в XIV–XVI вв.: воздействие на денежное обращение региона”, *Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время. Материалы международной научной конференции*. Отв. редактор Александр Филюшкин. СПб.: 229–230.
4. *Сочинения И. Пересветова* (1956). Подгот. текста Александр Зимин. Москва, Ленинград.
5. *Український степовий кордон в середині XVI століття (спогади барського старости Бернарда Претвича)* (1997). Упорядник О. Є. Мальченко. Запоріжжя, Київ.
6. AGAD, Archivum Koronne Warszawskie, Dział Turecki, kart. 68, teka 127, № 260, 261
7. Bielski, Marcin (1856). *Kronika polska*. Т. III. Sanok.
8. Forstreuter, Kurt (1955). *Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen*. Göttingen Berlin, Frankfurt.
9. Jaworski, Rafał (2008). “Polskie tropy jednorożca”, *Portal Historyczny*, URL (доступ 20.08.2014): http://web.archive.org/web/20080311122337/http://www.mowiawieki.pl/artukul.html?id_artukul=1800
10. Rhode, Gotthold (1972). “Ein Brief des «Tatarenschrecks» Bernhard von Prittwitz an Herzog Albrecht von Preussen”, *Zeitschrift für Ostforschung*, №21: 121–133.
11. Tomczak, Andrzej (1958). “Z dziejów stosunków polsko-tureckich za Zygmunta Augusta 1548–1553”, *Księga pamiątkowa 150-lecia Archiwum Głównego Akt Dawnych*, Warszawa: 441–478.
12. Tomczak, Andrzej (1960). “Memoriał Bernarda Pretwicza do króla z 1550 r.”, *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*, R. 6, Z. 2: 328–357.
13. Tomczak, Andrzej (1985). “Pretwicz (Pretfic) Jakub herbu Wczele (1546–1613)”, *Polski Słownik Biograficzny*, Т. XXVIII. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: 435–437.